С ДНЁМ ПОБЕДЫ!

80 лет

80 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная Война. День Победы стал святым для каждого из нас. В эти дни мы вспоминаем тех, кто шёл навстречу смерти в боях, кто своим трудом в тылу приближал победу, кто поднимал страну из руин. Это день нашей общей памяти, это день великого подвига. Каждая семья чтит память своих предков, бережно хранит награды своих героев.

Сотрудники Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова помнят и чтят своих коллег – ветеранов Великой Отечественной Войны, участников трудового фронта, детей, которые пережили трудное военное время. У многих родные и близкие геройски защищали Родину. С каждым годом всё меньше и меньше остаётся участников и свидетелей тех трагических лет. Проходят десятилетия, сменяются поколения, но память о великой Победе народа остаётся в наших сердцах.

Борисов Алексей Арсентьевич - отец Борисова Юрия Алексеевича, заведующего Научно-техническим отделом НИВЦ. Фронтовая судьба А.А. Борисова была непростой. Участвовал в боевых действиях в рядах народного ополчения, под Смоленском с боями выходил из окружения, был ранен, под Ржевом попал в плен, бежал, зимой в декабре переплыл Волгу, при повторном направлении на фронт попал под Указ о высылке фронтовиков, бывших в плену. До 1944 года работал в Красноярске директором технического училища. После войны вернулся к своей профессии строителя. Работал начальником участка на строительстве нового здания Университета на Ленинских горах. В семье Ю.А. Борисова сохранилась газета с заметкой самого А.А.Борисова с воспоминаниями только нескольких эпизодов военной службы. Но ясно одно, что вот в таких эпизодах ковалась наша общая победа над врагом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советский студент

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМОВ И РЕКТОРАТА МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ МОРИСА ТОРЕЗА

№ 4 (1422) Газета издается с 1850 года | СРЕДА, 15 февраля 1969 года | Выходит один раз в неделю Цена 1 коп.

Навстречу Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной

Я, Борисов Алексей Арсентьевич, родился в Калининской области в 1904 году, член КПСС с 1927 г., инженер-строитель. Работал на строительстве Дворца Советов, в дальнейшем работал.

В 1941 году я, как и многие другие, записался в народное ополчение. На второй день после записи призыву в управление строительства Дворца Советов, в коридоре встречаю военкома Фрунзенского района, он мне говорит: «Вы, товарищ Борисов, командир, вам поручаю приступить к формированию саперного батальона. Место формирования — институт иностранных языков Метростроевская, д. 38».

Я июля 1941 года в 3 часа утра, прибыв в институт иностранных языков, Метростроевская, д. 38», в район ст. Когтыр. Почти все население выехало проводить защитников Родины.

В саперном батальоне было 425 человек НПСС и 6 инженеров. Я был взводным саперного батальона. Здесь не было людей, которые бы знали саперное дело, а начал обучать ополченцев саперному делу. Словом, все ополченцы сразу включились в героическую работу по защите Родины.

Когда саперный батальон находился у совхоза Жеребцовский Смоленской области на реке Десне, мне был дан срочный приказ минировать мост через реку, который я выполнил, когда в тылу в лесном месте появился немецкий танк. В это время танки Гудериана рвались к Москве. Я вышел из своего подразделения подрывников, шпаны тола, бикфордов шнур, капсулем, подрывную машинку, и мы направились в могсту. Подготовка моста и заложенных зарядов была. Как только заметили подготовку, я дал команду рассоединиться и выставил часового с противоположной стороны моста. Часов в 12 ночи слышим шум моторов. Мы насторожились. Когда танки были в 100 метрах от места, мост был взорван. Танки повернули вправо.

Командир дивизии поблагодарил нас и сказал: «Дайте мне список солдат для представления к наградам».

В это время мы были в окружении. У совхоза Жеребцово расположились в лесу. Командир дивизии Пресняков приказал все подрывные имущество и взрывчатку закопать в землю. Через несколько дней он вызвал меня и спросил: «Ты помнишь, где закопал взрывчатку?». Я ответил: «Да». — «Вот тебе моя лошадь, садись верхом и привези взрывчатку». Приказ был выполнен.

В расширяющем командира 5-й стрелковой дивизии находились 3 грузные машины-катюши. Пресняков приказал мне: «Вот тебе, Борисов, эти катюши, предварительно выпустив по врагу все имеющиеся в запасе снаряды. Этот приказ был выполнен. Были уничтожены все три секретные машины, а снаряды, выпущенные по фашистскому зверю, задержали его танковые колонны на несколько дней. Командир поблагодарил меня и обещал представить к награде.

Мне было тяжелое, грозное время. Немецкие самолеты летали над нами очень низко, прочесывали лес, уничтожали все живое.

Однажды командир приказал: «Вот тебе, Борисов, по-пораньше обстреляй». На опушке я заметил немецкого солдата, сумел взять его в плен и доставить в комиссару дивизии Андронову.

10 октября 1941 года окруженные части дивизии с боями выходили из окружения, у ст. Чепланева Смоленской области мы прорвали немецкое кольцо и вышли из окружения. В этом бою было ранено несколько человек, в том числе и был ранен в левую руку.

После выхода из окружения и принимал участие в боях, которые вели движения в районе Наро-Фоминска. Студенты МГИИЯ часто посещают места, где сражалась героическая 5-я дивизия, в честь которой установлена мраморная доска на здании института.

В декабре 1941 года я был второпях ранен. За проявленный героизм награжден орденом Красной Звезды.

Вот уже много лет активно участвую в работе совета ветеранов нашей дивизии и чаще бываю на встречах со студентами МГИИЯ.

А. БОРИСОВ,
командир саперной роты 5-й стрелковой дивизии Фрунзенского района,
ст. лейтенант,
персональный пенсионер,
ветеран партии, войны и труда.

ОНИ РАБОТАЛИ В НИВЦ МГУ

ВЕТЕРАНЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
Балабан Милослав Александрович
Граус Валентина Макаровна
Гришков Сергей Иванович
Криволапов Валентин Карпович
Макин Петр Михайлович
Майсурадзе Илья Иосифович
Пальчун Ирина Федоровна
Суслов Сергей Михайлович
Тараскин Юрий Васильевич

БЛОКАДНИКИ:
Соколов Юрий Дмитриевич
Никольская Лидия Авенировна

УЧАСТНИК ПАРАДА ПОБЕДЫ:
Юрганов Борис Сергеевич

ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА:
Антипова Зинаида Васильевна
Волкова Александра Владимировна
Киеня Любовь Артемьевна
Клейменова Мария Александровна
Костенко Геннадий Иванович
Климанов Федор Поликарпович
Кудрова Лидия Алексеевна
Митюшина Марина Николаевна
Мухина Полина Петровна
Подловченко Римма Ивановна
Попова Александра Васильевна
Рубцова Алла Михайловна
Рябов Яков Максимович
Семикова Наталья Федоровна
Фомина Наталья Петровна
Черненкова Мария Гавриловна
Чернышова Надежда Ионовна

МАЙСУРАДЗЕ ИЛЬЯ ИОСИФОВИЧ
(1922 – 2003)
Ветеран Великой Отечественной Войны, инвалид ВОВ. Северо-Кавказский фронт, освобождение Краснодара. Награждён орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За победу над Германией», «За оборону Кавказа» и др.
Работал в МГУ с 1954 года, в НИВЦ МГУ с 1961 по 2001 гг.: инженер отдела Эксплуатации, с 1970 г. до 1982 г. – зав. отд. Эксплуатации, с 1982 г.–сотрудник отдела Эксплуатации инженерных сооружений.

КРИВОЛАПОВ ВАЛЕНТИН КАРПОВИЧ
(1922 – 2008)
Ветеран Великой Отечественной Войны. Служба в Советской Армии – 1940-1947 гг.: технический персонал авиаподразделений. Награждён медалью «За победу над Германией».
Работал в МГУ имени М.В. Ломоносова: 1951 – 1953 гг. – управление строительства МГУ на Ленинских горах; 1953 – 1960 гг. – биолого-почвенный ф-т; геологический ф-т; 1960 – 2008 гг. – мехмат МГУ, Вычислительный центр – НИВЦ: старший инженер, начальник отдела эксплуатации; с 1970 г. – зам. зав. ВЦ, с 1972 г. – зам. директора НИВЦ – главный инженер, с 1985 г. – сотрудник отдела эксплуатации инженерных сооружений.

БАЛАБАН МИЛОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1927 – 2005)
Ветеран Великой Отечественной Войны. В августе 1944 году ушёл добровольцем в РККА, направлен в Школу младших авиаспециалистов (г. Лебедин). С декабря 1944 г. служил радистом-кодировщиком в 1-ом Польском Авиакорпусе, который участвовал в Берлинской операции в составе войск 1-го Белорусского фронта. Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени и др. медалями.
Работал в НИВЦ с 1978 года старшим научным сотрудником, оператором информационных систем математических наук. За 50 лет творческой деятельности им опубликовано более трёхсот работ.

КУДРОВА ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА
(1928 – 2008)
Труженик тыла: работала в Московской типографии N27 «Искра революции» с 1943 г. по 1948 г. Награждена медалью «За доблестный труд в 1941-1945 гг.».
Кудрова Л.А. работала в НИВЦ МГУ с 1961 по 1986 гг. секретарём-машинисткой в канцелярии НИВЦ.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СОКОЛОВ
(1926 – 2010)
Ветеран военной службы, капитан 2-го ранга в отставке. Житель блокадного Ленинграда. 6 июня 1941 года зачислен в Военно-морскую спецшколу, принимал участие в обороне г. Ленинграда, в 1945–1949 гг. учился в высшем Военно-морском училище им. Фрунзе, затем служил в частях Тихоокеанского и Черноморского флотов. Уволился в запас в 1968 г. Награждён орденом «Красной звезды», медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За безупречную службу», «За победу над Германией», «Ветеран труда», юбилейными медалями.
В НИВЦ работал с 1978 года начальником штаба по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям.

НИКОЛЬСКАЯ ЛИДИЯ АВЕНИРОВНА
(1937 г.р.)
Житель блокадного Ленинграда. Член Ассоциации блокадников. Награждена знаком «Житель блокадного Ленинграда» и юбилейными медалями, медалью «Ветеран труда».
В НИВЦ работала с 1961 г. ведущим программистом. Занималась разработкой и сопровождением информационных систем математических наук. Имела 15 опубликованных работ. Несколько лет вела практикум по программированию на мехмате и ф-те ВМиК МГУ.

ПОДЛОВЧЕНКО РИММА ИВАНОВНА
(1931 – 2016)
Участник трудового фронта. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», а также юбилейными медалями.
Окончила механико-математический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова в 1953 году. В НИВЦ работала с 1933 года. С 1994 года вела педагогическую работу на кафедре математической кибернетики ф-та ВМиК МГУ. Ведущий научный сотрудник, доктор физико-математических наук, профессор. Основные направления научной деятельности: теоретическая кибернетика, математические модели теории вычислений, теоретическое программирование. Создала теорию алгебраических моделей программ в базе синтеза теории схем программ и математической кибернетики. Подготовила пять кандидатов физико-математических наук и двух докторов. Опубликовала более 140 научных работ.

ЧЕРНЕНКОВА МАРИЯ ГАВРИЛОВНА
(1930 – 2015)
Участник трудового фронта в Великой Отечественной войне, работала в колхозе в Брянской области.
Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», а также юбилейными медалями.
В НИВЦ работала с 1961 года техником, обеспечивала учебный процесс в компьютерном классе.

Рубцова А.М. Мухина П.П.

Мухина П.П. Кудрова Л.А.

Криволапов В.К. Майсурадзе И.И.

Криволапов В.К. с сослуживцами. 1945 год

в 1-м ряду:
Суслов С.М., Тараскин Ю.В., Соколов Ю.Д.
во 2-м ряду: Криволапов В.К.

УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

в 1-м ряду:
Граус В.М., Юрганов Б.С., Кудрова Л.А.
во 2-м ряду:
Свешников А.Г. (физический ф-т), Черненкова М.Г.
Чернышова Н.И.

Соколов Ю.Д.

Фомина Н.П.

БАЛЛАДА О БЕЖЕНЦАХ

Посвящается маме

Поздней осенью и в очень
хмурый месяц
Появилась я на белый свет.
Но казалось маме, что он будет светел
В череде последующих
и счастливых лет.
И ушло ненастье, наступило лето,
Всё вокруг дышало светом и теплом.
Купола Софии золотистым цветом
Наполняли дом наш миром и добром.
Но не долго длилось безмятежье наше.
Вскоре наступили другие времена.
Перешёл границу враг
коварный, страшный.
Началась Великая война.
Новгород Великий – город
наш старинный,
Оказался вскоре под вражеским огнём.
Было мне в ту пору годик с половиной,
А сестрёнке старшей пятый год пошёл.
Враг дошёл до Волхова,
угрожал расправой.
Все мужчины взрослые были на Войне.
Оказалось, всякое, что мы пережили
с нашей мамой
Вынуждены думать сами о себе.
Без надежды на помощь людскую,
Но с молитвою на устах
Наша мама в ту ночь роковую
Уходила с детьми на руках.
До сих пор это странно, но, правда,
Что могли уцелеть мы тогда...
Ведь на настех скоплоченных баржах
Нас отправили в никуда.
А кругом разрывались снаряды,
И вздымалась фонтаном река,
Всем казалось, что смерть
совсем рядом.
Наша баржа – мишень для врага.
И вручили вокруг мессершмидты,
Не жалея металла для нас.
Но как будто завесой закрыты
Были мы в тот предутренний час.
Почему так бывает на свете,
Объяснить не дано никому,
Что совсем беззащитные дети
Устояли, не давшись врагу.
Миновав огнёвую преграду,
Оказались мы вдруг в тишине,
Что восприняли всё как награду
За пережитое на реке.
Но теперь, оказавшись на суше,
Мы не знали, куда нам идти.
Всю тяжёлую беженцев ношу
Предстояло понять нам в пути.
И сомненье, прогнавши из сердца,
Мама твёрдо сказала себе,
Будет легче прожить это время
У своих, чем в чужой стороне.
И во время дорожных скитаний
На попутках, в вагонах, пешком,
Всё увидеть пришлось нашей маме,
И она вспоминала потом:
Было много и страха, и горя,
И у многих черствела душа.
Обнажается в людях природа,
Если к ним вдруг приходит беда.
У других эти страшные годы
Наполняли сердца их добром.
Изнурённые голодом люди
Делились последним куском.
Бессонные ночи, голодные дни,
Все вынесла мама страданья.
И осенью поздней,
в преддверии зимы,
Закончились наши скитанья.
Деревня, где наша родня проживала,
Была, как все русские сёла, сожжена.
Война их, конечно, совсем разоряла,
И вскоре сиротскими стали дома.
Мужчин проводили
сражаться с врагами.
Деревня жила только женским трудом.
Мы для неё стали лишними ртами,
И всю доброту оценили потом.
В суровые дни сорок первого года
Фашисты дошли и до наших домов.
Оказалась деревня на линии фронта.
Нельзя избежать было трудных боёв.
В боях погибали и немцы,
и наши солдаты,
Но, к счастью, деревня осталась жива.
Она не была стратегическим пунктом,
И это спасло нас от смерти тогда.
А в сорок втором, после
страшных сражений,
Что армия наша победно прошла,
Мы узнали о папиных многих раненьях
Из письма, что открыла
нам наша родня.
Он писал, что здоровье
идёт на поправку,
Что хирурги на фронте творят чудеса,
Но сердце болит от томящего страха,
Не могла ли случиться и с нами беда.
Он знал, что на город обрушены
тонны снарядов,
Что в руинах лежит
и Софийский собор,
Нет ни нашей квартиры,
ни дома, ни сада,
Но не знал, удалось ли нам с мамой
покинуть наш дом.
Написали ему,
что живём мы в деревне,
И спасись просто чудом
от страшной беды.
Эту новость была для него
награждением
За все пережитые годы войны.
Он видел весь ужас
голодной блокады,
Умерших людей у замерзшей Невы,
И сотни машин,
вывозивших по Ладоге
Осиротевших детей
до безопасной черты.
И при боевом той дороге жизни
Он выжил, хоть рана серьёзной была.
И после раненья он стал инвалидом,
И путь на войну был закрыт навсегда.
Потом была встреча, и счастье, и горе,
Шёл год уже третий с начала войны,
Наш папа служил на военном заводе.
Так мы оказались вблизи от Москвы.

Плескачёва Т.Б.
старший научный сотрудник НИВЦ

© НИВЦ МГУ, 2025

Никольская Лидия Авенировна *в 1945 году исполнилось 8 лет*

Во время блокады моя семья жила в большой коммунальной квартире на Петроградской стороне. Отец был на фронте, а мать, бабушка и дед жили вместе со мной. Мама была солисткой в ансамбле военно-морского флота, у неё, к моей величайшей гордости, было звание младшего лейтенанта. Впоследствии, находясь в подмосковном детском доме, я часто видела её во сне в лейтенантских погонах и с сиянием вокруг головы.

Детей начали принудительно вывозить из Ленинграда ещё летом 1941 г., но мать отказалась со мной расстаться, т.к. боялась, что потеряюсь. Она говорила в ответ на угрозы милиции, что лучше уж пусть мы вместе погибнем. Возможно, это и сохранило мне жизнь, ведь много детей погибло или затерялось где-то по дороге в эвакуацию.

Мы – оставшиеся в Ленинграде – переживали и бомбёжки, и обстрелы, и голод, и холод. В бомбоубежище я ни разу не побывала, потому что бабушка больше всего боялась, что нас засыплет и мы задохнёмся. В наш дом бомбы не попали ни разу, хотя при одном из артиллерийских обстрелов снаряд разорвался в соседнем подъезде. Все стёкла в окнах были выбиты, окна забиты фанерой и тряпьём, которое удалось найти деду. Он же поставил в комнате буржуйку.

Однажды мне удалось спасти жизнь самой бабушке – я с рёвом вцепилась в её пальто и не отпустила на Сытный рынок, очередной раз давали маме к обеду в ансамбле и бабушке раненые в госпитале. Бабушка проявила громадную волю и самоотверженность для нашего спасения от голода и холода.

Я отчетливо помню, как часами отскребала от громадного ножа налипшие крошки клейкого блокадного хлеба. Никогда не забуду своего главного блокадного праздника – бабушка дала мне в кровать (тогда я уже не ходила) громадное блюдо с прилипшими к нему окаменевшими остатками довоенного сгоревшего сладкого пирога, который она выбросила, а грязное блюдо в рассеянности сунула в буфет и там случайно обнаружила в поисках очередного объекта для обмена на хлеб.

В апреле 1942-го года ансамбль перевели в Москву и маме разрешили взять меня с собой. К этому времени я уже лежала почти без движения. В Ленинграде было холодно, лежал глубокий снег. Ехать надо было с Финляндского вокзала, городской транспорт не ходил. Мама погрузила меня, завёрнутую в одеяло, и чемоданы на санки, бабушка перекрестила на нас дорогу.

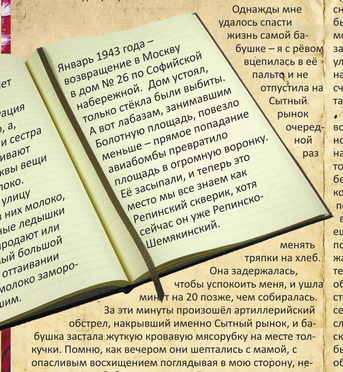
На поезде мы добрались до Ладоги, а затем ехали по ладожскому льду в автобусе с открытыми дверьми одним из последних караванов, вода уже стояла надо льдом и можно было запросто угодить в невидимую полынью. Но мы добрались до противоположного берега и дальше до Москвы уже по железной дороге воинским эшелоном в телятниках за две недели. По дороге нас кормили концентратами как солдат и тех, кто уже необратимо не погибал от голода, добрались до Москвы в городе более приличном виде, чем можно было ожидать от блокадников. В нашем эшелоне было еще три ребёнка, но они все умерли по дороге.

Вернулись мы в Ленинград вместе с ансамблем почти сразу после снятия блокады – в начале марта 1944-го года, прошло почти два года с нашего отъезда. Снова лежал снег, приём очень белый, он засыпал развалины и город, был удивительно чист, тих и прекрасен. Я до сих пор не могу забыть, что почувствовала в свои семь лет, когда оказалась на своей родной Петроградской стороне, на своей улице, около своего дома и, наконец, в бабушкиной комнате старой коммунальной квартиры. Наверно, это и было счастьем, сильнее которого мне больше не удалось испытать в жизни.

От жизни в блокадное время у меня остались отрывочные, но яркие воспоминания: темнота и холод днём и ночью дома, громадные очереди за хлебом (с тех пор я ненавижу все очереди – мне страшно и противно быть зажатой среди чужих тел); женщины, везущие мимо бесконечных очередей за хлебом санки с лежащими покойниками, увязанными в простыни, или сидящими полупокойниками, так укутанными, что не понятно было, кого везут – мужчину или женщину; походы за водой (пока я ещё ходила) на Большой проспект Петроградской стороны; постоянное ощущение голода и холода и бесконечное лежание в верхней одежде под несколькими одеялами в темноте и тишине, когда не было воздушной тревоги или обстрела. Помню стук метронома из чёрной тарелки постоянно включенного радио и ночные стуки в стену от соседей – так по эстафете передавали, кто ещё умер; хотя слышимость в старом дореволюционном доме практически отсутствовала, в такой тишине мы слышали даже слабые звуки, тем более что все кровати для безопасности от обстрелов стояли вплотную к стенам, подальше от окон.

Ещё долго после войны я пугалась воющего звука пикирующего самолёта, невольно ожидая следующего за ним разрыва бомбы. До сих пор у меня сохранилась привычка подбирать хлебные крошки и счищать с ножа приставший чёрный хлеб. Хотя у меня не было явных тяжёлых заболеваний и внешних физических недостатков, в любом коллективе себе подобных – во дворе, в школе, в институте и даже на работе, я всегда была самой слабой физически. В молодости это меня не слишком огорчало, но теперь мешает жить, т.к. многие домашние дела стали мне недоступны. С того времени я не переношу яркие синие и зеленые обои – невольно вспоминаются уцелевшие стены разрушенных при бомбёжке домов, «разукрашенные» синими и зелёными полосатыми заплатами сохранившихся обоев на бывших стенах коммунальных квартир.

Мои обе бабушки и дед (второй дед умер ещё во время финской войны), пережившие блокаду, довольно быстро умерли после войны – здоровье было подорвано. В громадном дворе, где мы жили, я оставалась единственным уцелевшим ребёнком, пока в 1945 году не стали возвращаться в Ленинград эвакуированные семьи. Нашей семье повезло – близкие родственники остались живы и нам было где жить, благо наши комнаты в коммуналках бабушке удалось сохранить, чем она заслуженно гордилась.



Геннадий Георгиевич Рябов
в 1945 году исполнилось 9 лет

Зима 1941-42 годов. Эвакуация в Барнаул: очень холодно, а, главное, голодно. Мама и сестра ходят на базар и обменивают взятые с собой из Москвы вещи на замороженное молоко. Местные выносят на улицу тарелки, наливают в них молоко, а потом эти молочные ледышки в форме тарелок продают или обменивают. Самый большой страх – если при отставании выяснится, что молоко заморозили уже скисшим.

РЯБОВ ГЕННАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ
(1936 – 2020)
Родился в Москве. Окончил механико-математический факультет МГУ. Кандидат физико-математических наук (1967), доктор технических наук (1984). Учёное звание — профессор (1991). Член-корреспондент АН СССР (1984), член- корреспондент РАН (1991). Директор Института точной механики вычислительной техники им. С.А. Лебедева РАН (1984–2004). Лауреат Государственной премии СССР (1974), лауреат премии им. С.А. Лебедева АН Украины (1989). Награждён орденами Ленина (1987), Трудового Красного Знамени (1978). Заслуженный деятель науки РФ (1999). С 1958 г. работал в ИТМиВТ им. С.А. Лебедева, где прошёл путь от младшего научного сотрудника до директора института. Был заведующим базовой кафедрой электронных вычислительных машин МФТИ. С 1970 г. работал в МГУ на кафедре автоматизации систем вычислительных комплексов факультета ВМиК, с 1986 г. — в должности профессора. Заведующий лабораторией методов компьютерной визуализации НИВЦ МГУ (с 2000 г.).
Г.Г. Рябов — крупный специалист в области прикладной математики и вычислительной техники, главный конструктор ряда вычислительных систем оборонного и гражданского назначения.

Плескачёва Тамара Борисовна *в 1945 году – 6 лет*

Шёл 1943 г. Папа после госпиталя направлен военным представителем (военпредом) на военный завод в Подмосковье (теперь это микрорайон Москвы – Лианозово). Хотя немцев уже от Москвы отогнали, но налёты на Москву продолжались, и особенно доставалось заводу, недалеко от которого находился и наш дом. Тревожные звуки сирен и голос диктора, разносившегося из громкоговорителей на улице, объявляющего о налётах немецкой авиации, до сих пор стоит в ушах, и забыть это невозможно. После налётов оставалось много воронок, которые постепенно заполнялись водой, образуя множество небольших озёр, вызывающих у детей повышенный интерес. Зимой вода замерзала и, даже пойманы, эти озёра в воронках от немецких авиабомб использовались для детских катков. Так мы дожили до Победы. В день Победы наиболее мне запомнился, конечно, победный салют. Мы его наблюдали из окна своего пятиэтажного дома. Так как мы жили вблизи Москвы, то небо над городом просматривалось почти полностью. Среди грохота орудий и многоцветия рассыпающихся огней салюта, особенно привлекая внимания в лучах пересекающихся прожекторов поднятый на дирижабле портрет нашего главнокомандующего. Всё это наблюдали мы вместе с детьми нашего дома, так как родителей всю ночь дома не было.

Соколов Юрий Дмитриевич *в 1945 году исполнилось 19 лет*

Подвиг Ленинграда признан всем миром, такого сопротивления, мужества трёхмиллионного города в истории не было. 900 дней и ночей длилась блокада, шли бои, город бомбили, обстреливали из артиллерии и даже из миномётов со льда Финского залива. Самой трудной была первая зима 1941-42 гг. Темнота, холод и голод. Люди умирали сотнями и их никто не хоронил. Город как бы умер, не ходили трамваи и автобусы, висели оборванные провода. Не работал водопровод и канализация. Воду брали из Невы, на её кипяченне ушла вся наша библиотека и сам книжный шкаф, стулья. Моя семья выжила за счёт кошек. Отец их свежёвывал и мясо отдавал матери, а нам говорили: «Кролики». Пятую кошку я принёс сам по просьбе отца.

Мне было 14 лет, когда я подал заявление в Военно-морскую школу, куда был зачислен 6 июня, т.е. за две недели до начала войны. 7 августа вместе со спецшколой был отправлен на строительство оборонительных сооружений под Гатчиной. В сентябре начались занятия в спецшколе, и мы слышали звук снарядов, летящих над нашими головами. Удалось пережить и бомбёжки, когда, стоя на крыше, защищал дом от зажигательных бомб, слышал свист падающей бомбы, которая упала за три квартала от нашего дома.

18 ноября я был последний раз в бане. Ещё одни трамваи с затемнёнными окнами. Была светомаскировка. И я запомнил это число, потому что зашёл в фотографию. А в бане я испугался, увидев себя в зеркале – на меня глядел скелет, видны были все рёбра и позвоночник, а когда вытирался, то правая рука провалилась в углубление тазовой кости. Можно представить, как я выглядел почти через три месяца, т.к. меня эвакуировали 8 февраля – считаю, что это мой второй день рождения. Отец умер 5 февраля, я был следующий.

С 12 февраля я был в военном госпитале в г. Череповец. Всего в госпитале пролежал до 12 июня 1942 г. После госпиталя прибыл в г. Тара Омской области, где находилась Ленинградская военно-морская спецшкола. Два года учебы в Сибири заметно укрепили мое здоровье.

В 1949 году закончил высшее военно-морское училище имени Фрунзе и посвятил свою жизнь военной службе в военно-морском флоте.

Подловченко Римма Ивановна *в 1945 году исполнилось 14 лет*

К началу войны наша семья проживала в посёлке Расторгуево, в 23 километрах от Москвы. Место было дачным. Отец директорствовал в средней школе № 6. Мать преподавала химию и ботанику. Детей в семье было четверо: я – старшая (мне 10 лет) и мои братья возраста восьми, неполных четырех и двух лет. Жили мы в школе, один из классов был отведён под директорскую квартиру.

Как только началась война, отец позаботился о том, чтобы на школьном участке было сооружено бомбоубежище. Оно вовсю использовалось уже через месяц после начала войны. Немецкие самолеты заходили на Москву с юга, развешивая на парашютах осветительные ракеты, и, возвращаясь, освобождались от неизрасходованных бомб, сбрасывая их над нашим посёлком. Мама приходилось каждую ночь выталкивать детей из постелей и тащить их в бомбоубежище. На маму одну лёг тяжелый труд, т.к. отец, поступив добровольцем в народное ополчение, ночевал вне дома. Всё, чем он мог помочь маме – это отправить её с детьми в эвакуацию. Помню толпы людей, осаждавших поезд. Вагон буквально брали штурмом, отец сумел впихнуть в него маму и меня со старшим братом, а младших он подавал маме в окно вагона. Отправляя нас налегке с небольшим узлом носильных вещей, отец успокаивал маму, говоря, что «война продлится не более двух месяцев, а у тебя на руках четверо детей, ни к чему отягощать себя барахлом». И было это пятого августа 1941 года.

После многих дней в пути мама вместе с нами прибыла к своим родителям в захолустный городишко Белебей в Башкирии. Худо-бедно мы находились под крышей родственников. Мама сразу устроилась преподавателем в школу, я пошла в четвертый класс, а старший из братьев – в первый. Отец каждую неделю присылал письма. Но вот в феврале переписка оборвалась, а в марте поступила похоронка – отец погиб в бою под Ржевом. Мама начала хлопоты, чтобы получить разрешение вернуться на своё прежнее место жительства. Это желание казалось естественным, т.к. родители выходцы из бедных семей, с трудом получили высшее образование и твердо верили в его неизменную ценность.

Черненкова Мария Гавриловна *в 1945 году исполнилось 15 лет*

Когда немцы оккупировали наше село Серовка в Брянской области, мне было 11 лет. Отец на фронте. Я жила с мачехой. Нас у неё было четверо детей. Фашисты в деревне не стояли, но были полицаи из местных. С едой было очень плохо, если бы не огороды, то не выжили бы. Иногда в нашу деревню заходили партизаны, приходилось делиться с ними тем немногим что было у нас из еды.

За нашу деревню были большие бои. При отступлении немцы сожгли её, расстреляли 40 человек, среди них были и подростки. Ещё более тяжёлые времена настали после освобождения в конце 1943 года. Я пошла работать в колхоз. На себе пахали и боронили и поля, и огороды. У нас пелась такая частушка: Посмотри товарищ Сталин, / Как живётся нам в тылу, / Шесть солдаток плуг таскают, / А четыре борону.

Весь урожай без остатка отбирали на нужды фронта. От голода стала опухать. В школу приходилось ходить за четыре километра, а одеть было нечего. Ни чулок, ни обуви, всё сгорело вместе с избой. Когда наступили холода, застудила ноги и уже совсем не могла ходить.

Отец и брат не вернулись с фронта. Мачеха отправила меня к своим родственникам помогать по хозяйству – так началась моя самостоятельная жизнь.